

Лада ЕРМОЛИНСКАЯ

**Без комплексов
только гении**

— Я родился под знаком Блинецов, поэтому меня шатает и болтает в разные стороны. Но это не потому, что я не удовлетворен своим основным занятием — литературой. Просто все время хочется попробовать себя в чем-то новом. Я снялся в двух художественных фильмах, долгое время вел передачу на телевидении... Многие удивляются, с чего это вдруг меня занесло в музыку. Не вдруг. Джазовая музыка — это фон всей моей жизни. У меня дома одна из богатейших в Москве джазовых фонотек. Если б не война, я бы, наверное, стал музыкантом. Я ведь был принят в Гнесинскую музыкальную школу в Москве, но началась война, и все к чертовой матери перепуталось.

— И какая новая деятельность у вас в ближайших планах?

— Давно мечтаю начать рисовать. В ожидании этого часа у меня на балконе даже стоит мольберт. А вдруг что-нибудь получится? Страшно интересно. Для меня пейзаж или человеческий портрет — это настоящая терра инкогнита. Я просто не понимаю, как это делается. Другие могут сказать, допустим, о реализме: это ужасный вид живописи. А для меня это — чудо! Человек, который нарисовал мой портрет, — бог! Я только одного боюсь — стать своего рода графоманом от живописи.

— А в литературе вы этого никогда не боялись? Не мелькали сомнения на этот счет?

— Мелькают до сих пор. Я никогда не убежден в том, что создал действительно достойную вещь. Но иногда все-таки могу себе позволить откинуться в кресле, затащить сигаретой и сказать: да, это дорогого стоит! Без комплексов только гении. Моцарт, наверное, был без комплексов. И то я с ним знаком не был, поэтому точно сказать не могу.

— Вас просто обидеть?

— Я не отношусь к категории обидчивых людей. Человек с хорошим чувством юмора вообще обижается редко. Но вокруг множество дико закомплексованных людей, дрожащих за свою персону. «Как? Что ты имел в виду?» Они все время находятся в состоянии обиды. Я же никогда не пишу того, что может оскорбить личность. Ирония, легкая издевка, подшучивание, пусть и едкое, — это позволительно по отношению к любому человеку.

**Не печататься может
каждый дурак**

— Ваши дети пошли по вашим стопам?

— У меня двое сыновей, и оба вдалеке. Вася, старший, в Америке. Он работает корреспондентом на НТВ, но на самом деле журналистика — не его дело. Он чрезвычайно литературно одаренный парень, в данный момент занимается переводом с английского на русский романа одного американского писателя.

Другое дело, что можно всю жизнь заниматься литературной деятельностью да так и умереть за этим занятием. Бог его знает, оценят потомки или нет. Когда-то меня Михаил Аркадьевич Светлов, советский поэт, замечательный, остроумный и очень талантливый, спросил: «Чем вы занимаетесь?» Я гордо ответил: «Пишу». «А что вы пишете?» — «Прозу». — «Где печатаетесь?» — «Нигде». Тогда он мне сказал: «Молодой человек, писать так, чтобы нигде не печатали, может каждый дурак». Это я запомнил на всю жизнь.

— А чем занимается ваш второй сын?

— Его мать в два года увезла во Францию. Она была натуральная франкоманка: болела французской историей, языком, музыкой. Она точно знала, что должна жить во Франции. Поэтому с младшим я общаюсь крайне редко. Он очень красивый парень и, если я не ошибаюсь, хочет заниматься политическим пиаром. Я считаю, что это плутовство, но повлиять не могу. Получается, что на младшего я не имею влияния, а на старшего не оказываю!

— Проблем с пониманием не испытываете? Ведь у каждого поколения свои приколы, прибабасы и огорчения.

— Для меня не существует воз-

КОЛБАСИТЬ И ТАЩИТЬСЯ — ЭТО ПО МНЕ!

Когда человеку исполняется семьдесят, он автоматически становится пожилым. Писателя в этом случае принято называть зрелым. Поэтому юбилей Аркадия Арканова не должен огорчать его поклонников. А еще Аркадий Михайлович в этом самом своем зрелом возрасте еще о-о-чень многое себе позволяет. «Если человек говорит «в моем возрасте это делать неудобно», значит он уже постарел», — таково кредо юбиляра, выказанное в приватной беседе с вашим корреспондентом.

Екатерина ШЕВКОВА

«В дурацком положении может оказаться только умный человек»

растных категорий. Я стараюсь быть в курсе всего, что происходит в обществе, в том числе и среди молодежи. Это не означает, что мне интересно пойти на дискотеку и прыгать там всю ночь. Нет. Но я знаю о том, что молодые люди сейчас ходят на дискотеки. Мне нравятся некоторые модные словечки — колбасить, плющить, тащиться. И я не считаю, что они засоряют язык. Если так считать, то следует вернуться к классическому русскому языку с ятями. В этом случае мы должны признать, что Пушкин засорил великий язык. Мы же так не считаем! Тем более что эти словечки уже не означают отношение к наркоте (хотя пришли они именно оттуда).

— Разбираетесь в наркотерминах?

— У меня были друзья, которые покуривали, иногда предлагали мне. Я даже один раз курнул много лет назад (тогда это называлось «план»), но на меня это не произвело никакого впечатления. Мой организм это дело не принял.

**В доме повешенного
говорят о веревке**

— Вы вспоминаете о том, что вы профессиональный медик?

— Медицинское образование оставляет отпечаток на любом человеке. Врач понимает: то, что сейчас жизнь, через мгновение может стать смертью. Поэтому у медиков вырабатывается не мистическое, не божественное, а реальное и даже циничное отношение к жизни и смерти.

Медицина позволяет человеку выработать ироничное отношение к самому себе. Выскочить из

собственной шкуры, воспарить и посмотреть на себя как на часть этого огромного муравейника, который называется человечеством. И понять, что кто бы ты ни был — президент, писатель или бомж, — ты ничем не лучше других. И кто бы ты ни был, ты обязательно умрешь.

Досье «ВМ»

Аркадий Арканов родился 7 июня 1933 г. в Киеве. В 1957 г. окончил медицинский институт им. И. М. Сеченова. До 1960 г. работал участковым врачом, с 1963 по 1967 г. — внештатным редактором отдела юмора и сатиры в журнале «Юность». С 1968-го — член Союза писателей. Автор полутора десятков книг. В соавторстве с Григорием Гориним написал три пьесы: «Свадьба на всю Европу», «Банкет», «Маленькие комедии большого дома».

— Поэтому медики склонны к черному юмору?

— Черный юмор бывает очень черным, если становится бестактным. В лучших же образцах есть необходимая доля здорового цинизма. Когда после 11 сентября, на второй день, в Интернете появились анекдоты на эту тему, я счел их безнравственными. Сегодня они воспринимаются нормально. Знаете известную поговорку: в доме повешенного не говорят о веревке. Подождите, успеете, пройдет время, и можно будет смеяться над чем угодно.

— А бывало так, что в трагические моменты жизни у вас рождались веселые произведения?

— Даже на кладбище, когда вы хороните близкого человека, ваше сознание выхватывает не имеющие отношения к трагическому событию моменты. Где-то в подсознании вы их засекаете. «Господи, — думаете вы, — как же, наверное, смешно это выглядит со стороны!» Скажем, был случай на похоронах одного моего близкого друга. Другой, не менее близкий, друг, выпив значительную дозу, упал в могилу, выкопанную по соседству. Жуткое дело, как его оттуда вытаскивали!

Подождите немного, уберите конкретных людей и посмотрите на ситуацию со стороны. Вы поймете, что это ужасно смешно.

— Выходит, запретных тем нет вообще?

— Ни исторических, ни патристических — никаких. Есть чувство момента и понятие такта, больше ничего.

— Когда вы сами попадаете в смешное положение, смеетесь или все-таки краснеете, как все нормальные люди?

— Во всяком случае не расстраиваюсь. Расстройство такого рода может привести к очень нехорошим последствиям. Можно даже сойти с ума, если сильно переживать неловкую ситуацию. Люди с неустойчивой психикой ломаются на этом. Оказавшись в дурацком положении, не могут даже представить, что с ними могло такое случиться! Они все время усугубляют это состояние воспоминанием и доходят до полной невротации.

Например, однажды я полдня проходил с порванными на заднице брюками. Я был пихоном, ходил всегда таким големом, а тут... Только что кулечные в обтяжку брюки разошлись сзади прямо по шву! И оттуда торчали цветные трусы! Помню, я чуть не сошел с ума от этого. Но прошло немного времени и я понял, что это ужасно смешно. Ильф и Петров как-то сказали: «Не надо бояться оказаться в дурацком положении, потому что в дурацком положении может оказаться только умный человек. Дурак в этом положении в течение всей своей жизни».

Своим чередом

— Что такое, по-вашему, «веселая жизнь»?

— Прежде всего это нормальная жизнь, потому что жизнь не должна быть грустной. Мне часто говорят: «Ах, вы такой азартный человек!», подразумевая, что я люблю казино. Считается, что это порок: зачем проигрывать деньги? Но я ведь не ставлю под сомнение содержание своей семьи, а трачу излишек. Уж извините! Называйте меня кем хотите, но я его потрачу так, как хочу. И от этого получу удовольствие. Как только азарт уходит, человек подписывает себе приговор: до свидания, господа, я постарел. Это может произойти в двадцать пять лет и не произойти в девяносто.

— В казино вам везет?

— В общепринятом смысле — нет: я чаще проигрываю, чем выигрываю. Но иногда чувствую, что фарт на моей стороне. В этот момент можно закрыть глаза и делать рискованные ставки. Все вокруг хватается за голову, а я выигрываю и выигрываю. Но иногда бывает наоборот: чувствую, что надо либо уходить, либо снижать ставки до минимума, потому что фарт меня покинул. Фарт — он же летает над всеми! Главное, чтобы он посетил человека тогда, когда тот готов им воспользоваться. В противном случае фарт может пройти мимо и больше никогда не вернуться.

Если бы мне сказали: «Мы вам предлагаем быть главным дирижером Нью-Йоркского симфонического оркестра с окладом 30 тысяч долларов в месяц». Это фарт? Конечно! Я готов к этому? Нет!

— Но вы бы согласились?

— Если б согласился, я был бы идиотом! Потому что я никакой не дирижер. Но если б я всю жизнь учился и был готов к этому, мог бы сделать фантастическую карьеру.

Классический пример фарта — Челентано. Этот замечательный певец в начале своей карьеры заменил заболевшего солиста в одном второразрядном кабаке. И надо же было так случиться, чтобы именно в этот день именно в этот кабачок зашел богатый продюсер. Это фарт, но к нему нужно быть готовым. Когда в 76-м или 77-м году Вася Аксенов предложил мне отдать несколько рассказов в самиздатовский журнал «Метрополь», я отдал, потому что у меня эти рассказы были. Меня чуть не выптали из страны, но обо мне узнали именно после «Метрополя».

— Что еще определило ваше сегодняшнее положение и состояние?

— В 67-м году я как внештатный сотрудник «Юности» оказался в центре Вьетнамской войны. Вернулся абсолютно другим человеком: мудрым, спокойным, уравновешенным, никуда не торопящимся. Все в этой жизни должно идти своим чередом — это до сих пор моя философия. Нет ни одной позиции, которая заслуживала бы того, чтобы я торопился ее занять.

— Но в Москве все куда-то торопится!

— Ну и пусть. Я живу своей жизнью. В одном из моих рассказов (извините за автоцитирование) человек перебегает дорогу. Наблюдающий за ним персонаж говорит: «Он так торопится, как будто на той стороне его ждет другая жизнь!»